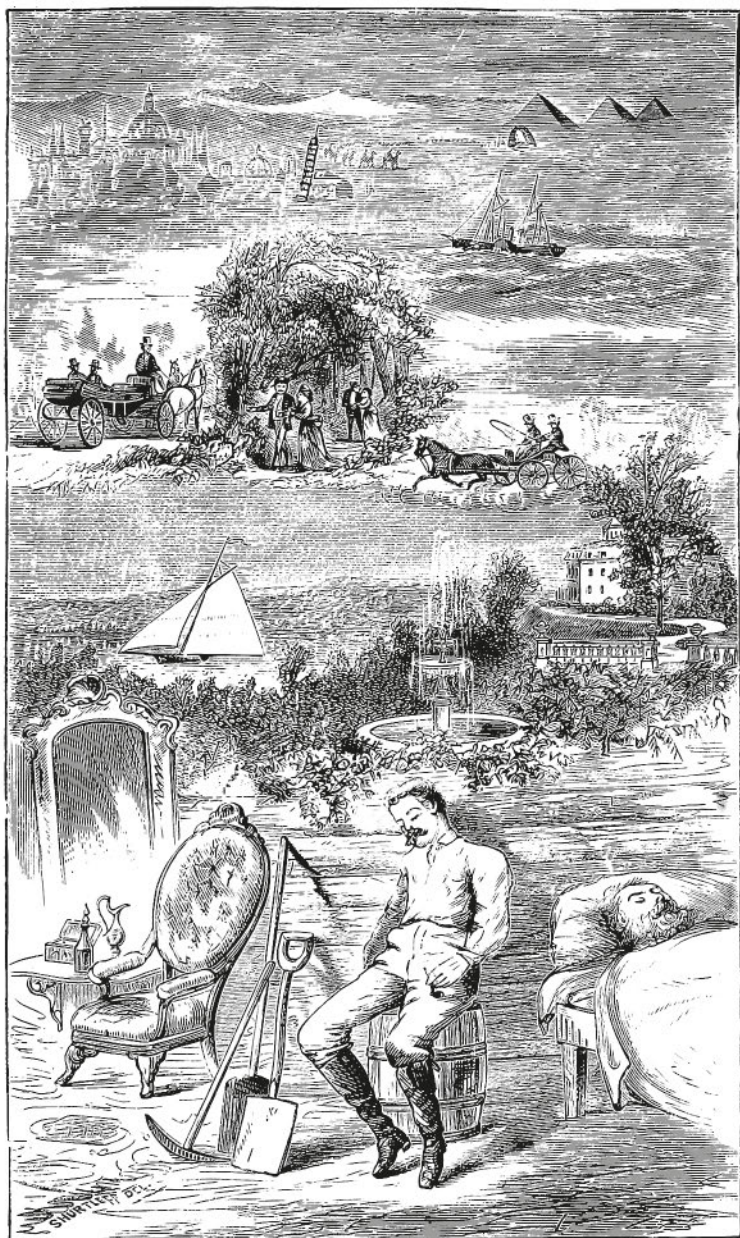

Марк Твен

НАЛЕГКЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т 26

Mark Twain
ROUGHING IT

Перевод с английского Татьяны Литвиновой, Веры Топер

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации американских художников XIX в.

ISBN 978-5-389-35164-6

© Т. М. Литвинова (наследник), перевод, 2026
© В. М. Топер (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Эта книга — не исторический очерк и не философский трактат, а всего лишь рассказ о пережитом. Я описал в ней несколько бурных лет моего бродяжничества, и цель ее — развлекать читателя в часы досуга, но отнюдь не томить его метафизикой и не раздражать ученостью. Все же из книги можно и узнать кое-что: например, о любопытнейшей главе в истории Дальнего Запада, главе, которую не написал ни один из тех, кто был на месте в то время и видел все своими глазами. Я говорю о начале, росте и разгаре серебряной лихорадки в Неваде, о явлении в некотором смысле чрезвычайно интересном, единственном в своем роде для того края; ничего подобного там прежде не бывало и, вероятно, не будет и впредь.

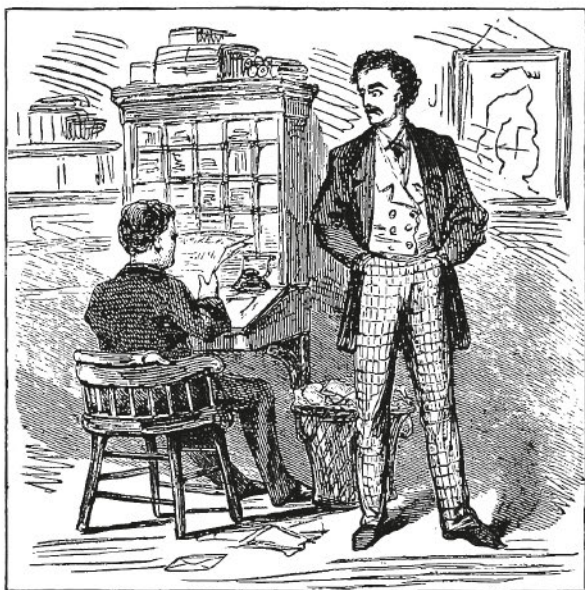
Да, в общем и целом в моей книге немало полезных сведений. Меня это очень огорчает, но, право же, я тут ничего поделывать не могу: видимо, я источаю фактические данные так же естественно, как ондатра — драгоценный мускус. Иногда мне кажется, что я отдал бы все на свете, лишь бы удерживать при себе свои знания, но это невозможно. Чем усерднее я конопачу все щели, чем туже завинчиваю крышку, тем обильнее из меня сочится мудрость. Поэтому я не смею оправдываться перед читателем, а только прошу его о снисхождении.

Марк Твен

ГЛАВА I

Я назначен помощником Секретаря Невады. — Предел желаний. — Недолгие сборы. — Мечты и видения. — На реке Миссури. — Первоклассный пароход

Моего брата только что назначили Секретарем территории Невада; это была поистине грандиозная должность, объединявшая в одном лице звания и полномочия казначея, ревизора, государственного секретаря и заместителя губернатора в отсутствие одного. Тысяча восьмьсот долларов в год и титул «господин Секретарь» придавали этому высокому посту неслыханный блеск и великолепие. Я был молод, неискушен и от души завидовал брату. Мало того, что на его долю выпали богатство и власть, — он отправится в долгий, дальний путь, узнает новый, неизведанный мир. Путешествовать! Я еще ни разу не уезжал из дому, и для меня в этом слове таилось неотразимое очарование. Скоро брат мой уже будет в сотнях и сотнях миль отсюда, среди равнин, пустынь и гор Дальнего Запада. Он увидит индейцев и бизонов, луговых собачек и антилоп. Сколько у него будет приключений — быть может, его повесят или скальпируют, — и как это будет весело, и он напишет обо всем домой и прослышет героем! И еще он увидит золотые и серебряные прииски, и как-нибудь под вечер, управившись с делами, он на горном склоне наберет два-три ведерка блестящих самородков золота и серебра. И со временем он страшно разбогатеет,

и вернется на родину морем, и будет походя говорить о Сан-Франциско, об океане, о «перешейке»¹, точно видеть воочию все эти чудеса — сущая безделица.

Что я выстрадал, думая о привалившем ему счастье, не описать пером. И когда он с полным хладнокровием, словно речь шла о пустяке, предложил мне должность личного секретаря, я не сомневался, что небо и земля прейдут и небосклон свернется, точно свиток! Это был предел моих желаний. О большем я и мечтать не мог. В какие-нибудь два часа я собрался в путь. Много времени на сборы не требовалось — нам предстояло ехать от границы штата Миссури до Невады в почтовой карете, и пассажирам разрешалось

¹ «Перешеек» — Панамский, между Центральной и Южной Америкой. При морском переезде из западной в восточную часть США и обратно этот перешеек до 1914 года, когда был открыт Панамский канал, составлял отдельный, сухопутный участок пути, и притом небезопасный, потому что там свирепствовали холера и лихорадка.

иметь при себе лишь небольшую поклажу. В те добрые старые времена, лет десять — двенадцать назад, не существовало Тихоокеанской железной дороги — ни одного рельса еще не было проложено.

Я намеревался пробыть в Неваде три месяца — у меня и в мыслях не было оставаться там дольше. Мне хотелось увидеть как можно больше нового, неведомого, а потом, не задерживаясь, вернуться домой и заняться делом. Я никак не ожидал, что моя трехмесячная прогулка затянется на шесть-семь необычайно долгих лет!

Всю ночь я грезил об индейцах, пустынях, серебряных слитках, а на другой день, в положенный час, мы в Сент-Луисе сели на пароход, шедший вверх по реке Миссури.

От Сент-Луиса до Сент-Джозефа мы плыли шесть дней; и таким скучным, дремотным и однообразным было это плавание, что оно не оставило и следа в моей памяти, — словно оно длилось не шесть долгих дней, а всего-навсего шесть минут. Я лишь смутно припоминаю страховидные коряги, которые мы хладнокровно приминали то одним колесом, то другим; и подводные камни, на которые мы

сначала насккивали, а потом отступали и перебирались в каком-нибудь другом месте; и песчаные отмели, где мы порой застревали и, посидев немного, при помощи багров продвигались дальше. Собственно говоря, наш пароход мог бы с таким же успехом проделать путь до Сент-Джозефа по суше, ибо он по большей части, можно сказать, шел пешком, терпеливо и настойчиво карабкаясь на подводные камни и перешагивая через коряги. Шкипер говорил, что пароход — первый класс, надо бы только больше напора и покрупнее колеса. Я лично считал, что ему не помешали бы ходули, но у меня хватило ума не сказать этого вслух.

ГЛАВА II

В Сент-Джозефе. — Мы прощаемся с лайковыми перчатками и фраками. — Вооружены до зубов. — Покидаем Штаты. — Наша карета. — Нечто среднее между ухмылкой и землетрясением

В тот радостный вечер, когда мы наконец сошли на берег в Сент-Джозефе, мы первым делом разыскали почтовую контору и заплатили по сто пятьдесят долларов за места в почтовой карете до Карсон-Сити, Невада.

На другое утро спозаранку, наскоро позавтракав, мы поспешили к станции. Тут возникло непредвиденное препятствие, а именно: оказалось, что тяжелый дорожный сундук никак не может сойти за двадцать пять фунтов багажа, — по той простой причине, что он весит гораздо больше. А нам полагалось только по двадцать пять фунтов на билет — и все. Итак, пришлось срочно открывать сундуки и второпях отбирать самые необходимые вещи. Мы сложили наши законные дважды двадцать пять фунтов в один чемодан, а сундуки отправили обратно в Сент-Луис. Это было грустное расставание, ибо мы очутились без фраков и белых перчаток, в которых думали щеголять на индейских раутах в Скалистых горах; не осталось у нас и высоченных цилиндров, и лакированных штиблет, — словом, ничего из тех предметов, кои необходимы в мирной и спокойной жизни.

Мы перешли на военное обмундирование. Каждый из нас надел костюм из грубого плотного сукна, шерстяную солдатскую рубашку и сапоги, а в чемодан мы сунули несколько сорочек, исподнее белье и тому подобное. Брат мой, Секретарь территории Невада, прихватил фунта четыре законов, действующих в Соединенных Штатах, и шесть фунтов Полного толкового словаря, ибо мы — несчастные простаки — не знали, что и то и другое продается в Сан-Франциско

с доставкой в Карсон-Сити в течение одних суток. Я вооружился до зубов при помощи маленького семизарядного «смит-и-вессона», пули которого напоминали гомеопатические пилюли, и, только выпустив все семь зараз, можно было получить дозу, потребную для взрослого мужчины. Но это меня не смущало. Я считал, что обладаю вполне действенным оружием. У него оказался только один изъян: попасть из него в цель было совершенно невозможно. Один из наших кондукторов стрелял из моего револьвера в корову, и, пока она стояла смирно, ничто ей не угрожало; но потом она начала двигаться, и тут-то кондуктор, уже нацелившийся на что-то другое, и всадил в нее заряд.

У моего брата, господина Секретаря, на поясе висел небольшой кольт для защиты от индейцев, и во избежание несчастных случаев он оставил его незаряженным. Спутника нашего звали мистер Джордж Бемис. Это была поис-

тине грозная личность. Мы видели его впервые в жизни. У него на поясе висел допотопный пистолет системы Аллен, именуемый зубоскалами «перечницей». Система эта отличалась необыкновенной простотой. Стоило оттянуть курок — и пистолет стрелял; когда курок оттягивался, ударник поднимался, а барабан поворачивался, затем ударник опускался, и пуля вылетала вон.

Прицелиться из Аллена вверх поворачивающегося барабана и попасть в мишень — этот фокус, вероятно, еще не удавался никому на свете. Но все же револьвер Джорджа был надежным оружием, ибо, как сказал впоследствии один из наших кучеров, «если пуля не попадет куда надо, она попадет в другое место». И так оно и случилось. Однажды, когда Джордж навел пистолет на прибитую к дереву двойку пик, пуля угодила в мула, стоявшего в тридцати ярдах левее. Бемис не притязал на мула, но тем не менее хозяин его, появившись с двустволкой в руках, убедил Бемиса купить мула. Забавная это была штука — пистолет Бемиса.

Иногда все шесть зарядов вылетали зараз, и тогда негде было укрыться от пуль — разве только спрятавшись у Бемиса за спиной.

Мы захватили с собой два-три одеяла на случай морозной погоды в горах. Роскоши мы себе никакой не позволили — взяли только трубки и пять фунтов курительного табаку. У нас было две большие фляги для запаса воды в прериях между станциями и маленький мешочек с серебром для текущих расходов — на завтраки и обеды.

К восьми часам мы в полной готовности уже были на другом берегу реки. Мы вскочили в карету, кучер щелкнул бичом — и мы умчались, оставив Штаты позади. Утро выдалось чудесное, все вокруг сверкало под летним солнцем, дышало свежестью и прохладой. Мы радовались избавлению от всех забот и обязанностей, и нам уже казалось, что годы, проведенные в душном, знойном городе, где мы трудились в поте лица своего, были растрчены зря. Мы мчались по Канзасу, и не прошло и двух часов, как мы довольно далеко углубились в прерию. Местность здесь волнистая; на сколько хватало глаз, перед нами расстилалась бескрайняя равнина, на которой гряды холмов плавно чередовались с впадинами, — словно грудь океана, колеблемая ровным дыханием после пронесшейся бури. И повсюду виднелись квадраты кукурузных полей, выделяясь более темной зеленью среди необъятного простора зеленеющих лугов.

Но вскоре этот океан на суше перестал волноваться и на семьсот миль простерся ровной, словно паркет, гладью!

Наша карета представляла собой громоздкую тряскую колымагу чрезвычайно внушительного вида — огромная люлька на колесах. Везла ее шестерка резвых лошадей, и рядом с кучером

восседал кондуктор — особа, облеченная всей полнотой власти, ибо на нем лежала обязанность заботиться о почте, багаже, посылках и пассажирах. На этот раз, кроме нас троих, пассажиров не было. Мы расположились внутри кареты, на заднем сиденье. Все остальное пространство было заполнено тюками — мы везли с собой копившуюся три дня почту. Тюки, почти касаясь наших колен, отвесной стеной поднимались до самой крыши. Кроме того, груды посылок лежали на империале и оба багажника были полны до отказа. В общей сложности, по словам кучера, с нами ехало две тысячи семьсот фунтов почты: «Немного для Бригема, для Карсона и для Фриско¹, но больше всего для индейцев, а они и так уж обнаглели, что же это будет, когда они начитаются всякой всячины?» Так как при этом лицо его страшно исказилось, словно он хотел лукаво ухмыльнуться, но ему помешало землетрясение, — мы догадались, что замечание это — шутка и что, по всей вероятности, мы сбросим почти весь груз на дороге через прерии, где его

¹ *Фриско* — сокращенное наименование Сан-Франциско.

подберут индейцы или еще кто-нибудь.

Лошадей мы меняли каждые десять миль в течение всего дня и буквально летели по укатанной ровной дороге. На каждой остановке мы выскакивали из кареты, чтобы размять ноги, и поэтому вечер застал нас свежими и бодрыми.

После ужина в карету села женщина, жившая в пятидесяти милях дальше по тракту, и нам троим пришлось по очереди ехать на козлах рядом с кучером. По всей видимости, это была особа неразговорчивая. Она сидела молча в сгущающихся сумерках, устремив неподвижный взор на комара, впившегося в ее руку, медленно поднимала другую руку и, нацелясь, хлопала по комару с такой силой, что зашаталась бы и корова; потом она с явным удовлетворением рассматривала трупик насекомого. Она ни разу не промахнулась, это был первоклассный стрелок с короткой дистанции. Трупы она не сбрасывала, а оставляла для приманки. Я следил за этим кровожадным сфинксом, следил до тех пор, пока мертвых комаров набралось штук тридцать-сорок, и все ждал, что она скажет хоть слово, но она упорно молчала. Наконец я сам вступил в разговор. Я сказал:

- Как много здесь комаров, сударыня.
- Еще бы!
- Что вы изволили сказать, сударыня?
- Еще бы!

Потом лицо ее прояснилось, она повернулась ко мне и заговорила:

— Лопни мои глаза, я уж думала, вы, ребята, глухонемые какие-то. Право слово. Сижу я тут, сижу, шлепаю комарей — и никак не пойму, что с вами такое. Сперва так и думала, что вы глухонемые, а потом кумекаю: может, захворали или ума решились? Да поглядела я на вас, поглядела —

и вижу, что просто-напросто дурачки вы и говорить-то не умеете. Издалека ли едете?

Сфинкс уже не был сфинксом! Разверзлись источники великой бездны, и лил дождь сорок дней и сорок ночей — дождь из всех частей речи, — и нас захлестнули воды пошлой болтовни, не оставив нам ни уступа, ни вершины, за которую мы могли бы ухватиться и молвить слово среди этого бурного потока безграмотного вздора!

Какой это был ужас, ужас, ужас! Время шло час за часом, а она все тараторила, и я горько раскаивался, что своим замечанием о комарах вызвал ее на разговор. Она не умолкала ни на минуту всю дорогу, пока не добралась до цели своего путешествия; выходя из кареты, она растолкала нас (мы все-таки задремали) и сказала:

— Вот что, ребята, вы слазьте в Коттонвуде и пару дней задержитесь там, а я завтра к вечеру подъеду, и мы с вами малость поболтаем. Про меня говорят, будто я больно разборчива и нечего заноситься такой деревенщине, как я, ну а я, верно, всякую шухеру до себя не допускаю, иначе пропадешь, но ежели наскочу на подходящих людей, со мной еще водиться можно.

Мы решили не задерживаться в Коттонвуде.

ГЛАВА III

Лопнувшая скрепа. — Почта, сданная по адресу. — Беспокойный сон. — Полюнь. — Пальто как предмет питания. — Печальная участь верблюда. — Предостережение неосторожным читателям

Часа за полтора до рассвета, когда мы плавно катили по дороге — так плавно, что наша люлька лишь слегка покачивалась и мы, убаюканные мерным движением, стали забываться сном, — под нами вдруг что-то треснуло! Мы, разумеется, заметили это, но интереса не проявили. Карета остановилась. Мы слышали, как переговаривались кучер и кондуктор, как они искали фонарь и чертыхались, не находя его, — но у нас не было ни малейшего желания узнать, что же случилось; напротив, мы чувствовали себя особенно уютно оттого, что эти люди хлопочут и возятся в потемках, а мы укрылись в теплом гнездышке за спущенными шторами. Но, судя по доносившимся снаружи звукам, карета подверглась осмотру, а затем голос кучера произнес:

— Ах, черт! Скрепа лопнула!

Сон мигом слетел с меня — как всегда бывает, когда, еще не зная, в чем дело, чувствуешь, что стряслась беда. «Скрепа, — сказал я самому себе, — это, вероятно, часть лошади; и, очевидно, весьма существенная часть, потому что в голове кучера явно слышалась тревога. Может быть, жила на ноге? Но как могла лопнуть жила у лошади на такой ров-

ной дороге? Нет, что-то не то. Это просто невозможно, разве только она хотела лягнуть кучера. Что же это за штука — скрепа у лошади? Ну, что бы там ни было, признаваться в своем невежестве я не намерен».

Одна из шторок приподнялась, в окне показалось лицо кондуктора, свет фонаря упал на нас и на стену из почтовых тюков. Он сказал:

— Прошу публику ненадолго выйти. Скрепа лопнула.

Мы вылезли; было холодно, моросил дождь, и мы сразу почувствовали себя бесприютными и несчастными. Когда я узнал, что «скрепой» называют массивное приспособление, состоящее из ремней и рессор, я сказал кучеру:

— В жизни не видел, чтобы скрепа до такой степени изнасилась. Как это могло случиться?

— Очень просто. Не может одна карета везти почту за три дня. Вот так и случилось, — ответил он. — Кстати, тут самое то место и есть, куда отправлены мешки с газетами для индейцев, чтобы они читали, а не безобразничали. Счастье еще, что скрепа лопнула, не то я, пожалуй, впотьмах мимо бы проскочил.

Я знал, что он опять силится родить лукавую ухмылку, хоть и не мог видеть его лица, потому что он стоял нагнувшись; я мысленно пожелал ему благополучно разрешиться от бремени и стал помогать остальным вытаскивать увесистые тюки. Когда все было вытащено, на обочине дороги выросла внушительная пирамида. Скрепу починили, и мы снова заполнили оба багажника, но крышу не нагрузили совсем, а внутри кареты сложили значительно меньше того, что там было при выезде. Кондуктор опустил спинки сидений и нагрузил карету до половины во всю длину. Это вызвало решительный протест с нашей стороны, ибо теперь нам не на чем было сидеть. Но кондуктор оказался мудрее нас: он внушил нам, что лежать лучше, чем сидеть, и что при таком устройстве скрепы дольше выдержат. После этого мы охотно отказались от сидений. Удобное ложе было несравненно приятней. Я провел много увлекательных ча-

сов, растянувшись на нем, за чтением свода законов или Толкового словаря, с волнением следя за судьбой героев.

Кондуктор заявил, что с ближайшей станции пошлет человека подобрать оставленную почту, и мы покатали дальше.

К этому времени совсем рассвело; мы разлеглись на тюках, с наслаждением вытянули онемевшие ноги и смотрели в окна кареты, любясь зеленым простором, подернутым утренним росистым туманом, вглядываясь в светлеющий восток с чувством полного, ничем не омраченного блаженства.

Карета быстро мчалась по дороге, шторы и наши пальто, висевшие в кожаных петлях, лихо развевались на ветру. Мы покачивались на мягких рессорах; стук копыт, щелканье бича, крики «Н-но, ходи веселей!» музыкой звучали в наших ушах; земля поворачивалась к нам, деревья кружились, словно молча приветствуя нас, а потом застывали на месте и глядели нам вслед не то с любопытством, не то с завистью; а мы полеживали на тюках, курили трубку мира и, сравнивая нашу теперешнюю роскошную жизнь с сереньким существованием в стенах города, где мы провели столько лет, пришли к выводу, что есть только одно истинное и полное счастье на свете и это счастье мы обрели.

Мы позавтракали на какой-то станции — название я забыл, — а потом все троем взобрались на крышу и сели позади кучера, предоставив кондуктору наше ложе, чтобы он мог немного вздремнуть. Когда солнце разморило меня, я улегся ничком на крышу кареты и, держась за шаткие перильца, проспал еще целый час. Вот до чего хороши там дороги! Невзирая на то что лошади бежали со скоростью восьми-деяти миль в час, ничто не мешало человеку спокойно спать, покачиваясь на рессорах, а если карету встряхивало на кочках или ухабах, он инстинктивно хватался за перила. Кучера и кондукторы иногда спали на ровной дороге по тридцать-сорок минут, не слезая с козел. Я своими глазами это видел. И ни разу ни один из них не свалился: не было случая, чтобы спящий не ухватился за перила, ко-

Твен М.

Т 26 Налегке : роман / Марк Твен ; пер. с англ. Т. Литвиновой, В. Топер. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 672 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-35164-6

Молодой авантюрист садится в почтовый дилижанс, отправляясь в путешествие по Дикому Западу! Покорение необъятных просторов Америки начинается, как и положено вестерну, с приключений. Фортуна как бы намекает, что она в любой момент может постучаться в вашу дверь. И не ее вина, что в этот момент вас нет дома. Зато вы мчитесь по лихим дорогам, на которых вас встречает множество колоритнейших персонажей. Каждый новый город, каждый постоялый двор готовы предоставить тысячи возможностей расстаться с кошельком и потерять голову (в том числе буквально). Наш герой тешит себя надеждой разбогатеть на серебряных приисках, но, потерпев фиаско в роли старателя и спекулянта недвижимостью, становится репортером в захолустной газете, которому приходится раздувать сенсацию из прибытия в город воза с сеном, потому что будничные перестрелки и ограбления читателей особо не впечатляют...

Отчаянного путешественника зовут Сэмюэл Клеменс, и мир скоро узнает его как великого американского писателя Марка Твена. Роман «Налегке» вырос из его путевых заметок. Твен описывает Америку 1860-х через призму своего острого взгляда, щедро приправляя правду вымыслом, сатирой на местные нравы, самоиронией и восхищением перед природным великолепием Дикого Запада. Это не просто сборник баек и занимательных историй: из шуток и анекдотов вырастает проницательное повествование о людях и эпохе, полной надежды и риска.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

МАРК ТВЕН
НАЛЕГКЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Валентина Гончар, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.10.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-44652-01-R